

## Литература

1. *Винокур Т.Г.* Об узуально-стилистическом словаре русского языка // Теория языка и словари. Кишинев, 1988.
2. *Гречко В.А.* Лексическая синонимия современного русского литературного языка. Саратов, 1987.
3. *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
4. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб., 2004.
5. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. М., 1980.
6. *Морковкин В.В.* Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
7. *Паламарчук Л.С.* Словарь как языковая летопись эпохи // Теория языка и словари. Кишинев, 1988.
8. *Сентенберг И.В.* Динамический аспект лексической семантики английского глагола: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1991.
9. *Скляревская Г.Н.* О проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания, 1988, № 3.
10. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Л., 1970–1971.
11. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е гг. XIX в. М; Л., 1965.
12. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука 20 века. М., 1995
13. *Черемисина М.И.* Синонимия как функциональная эквивалентность языковых знаков // Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970.
14. *Чулкина Н.Л.* Модель лексикона носителя русского языка способ представления лексической системы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987
15. *Шемякин Ю.И.* Семантика самоорганизующихся систем. М., 2003

С.А. Эзериня  
Институт лингвистических  
исследований РАН Санкт-Петербург

## Индивидуально-авторские сложные прилагательные и «Словарь русского языка XIX века»

I. Одной из наиболее заметных и представительных групп индивидуально-авторских образований является совокупность прилагательных, образованных путем сложения и сращения (преимущественно в дефисном написании), выполняющая в художественном тексте важнейшие стилеобразующие функции. К началу XIX века в русском языке сложилась определенная литературная традиция создания сложных эпитетов на базе композитов-прилагательных и отчасти наречий, ставшая особенно характерной для поэтических форм (например, для В. К. Тредиаковского, Г. Р. Державина, Н. И. Гнедича, В. А. Жуковского использование сложных прилагательных при создании составного эпитета является отличительной стилистической особенностью их творчества) [5: 32; 14]. В сжатой форме одного слова эти образования служат мощным средством передачи семантически осложненной, неоднотонной характеристики действующих лиц и присущих им свойств, качеств, действий, а также предметов и явлений; их стилистическая функция в первую очередь заключается в придании слогу авторского повествования романтически-возвышенного характера в соответствии с замыслом поэта или писателя.

Изучение авторских сложных имен прилагательных, относящихся к языку художественной литературы, несколько отличается от изучения образования сложных прилагательных в русском литературном языке, поскольку здесь писатель намеренно создавал слово с целью многомерного образного, актуального для данного контекста и идиолекта отражения воспринимаемой действительности, сложности ее проявлений. А. И. Ефимов, рассматривая словосложения в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, писал: «в данном случае мы, несомненно, имеем дело с намеренно практиковавшимся, активным приемом словообразования.. Словосложение писателя — проблема преимущественно лексико-стилистическая, ибо созданные им сложные слова — это продукт индивидуального словоупотребления» [2: 351]. Именно в этом традиционно лексико-стилистическом ключе и проводится изучение индивидуально-авторских сложных образований; при этом малоизученной остается грамматическая сторона проблемы, в т. ч. и узуальных сложных прилагательных современными

грамматиками русского языка [4: 48–58]. Отметим также, что решение этой проблемы помогает правильному освещению данного типа композитов в лексикографической практике (особенно в «писательской» лексикографии при создании полных словарей языка (или отдельного произведения) писателя толкового типа).

Рассмотрим в качестве примера индивидуально-авторские прилагательные Н. В. Гоголя, выявленные автором статьи в тексте поэмы «Мертвые души» (I и II тт.) и насчитывающие 36 единиц. За исключением 2 прилагательных, они даны в дефисном написании: *безмолвно-грустный* (о жалобе), *безобразно-дуплистый* (об иве), *беспокойно-странный* (о характере человека), *бестрепетно-свободный* (в кр. форме *бестрепетно-свободна*) (о походке человека), *бесчувственно-страшный* (о состоянии человека), *восторженно-чудный* (о восприятии человека), *глубоко-устремленный* (о взгляде), *глупо-вопросительный* (о выражении лица), *громодно-несущийся* (о жизни), *грубоощутительный* (о труде человека), *деятельно-беспокойный* (о ходе мыслей), *европейски-открытый* (об обращении, манерах), *известковато-глинистый* (о почве), *картинно-окладистый* (о бороде), *легкомысленно-непроницательный* (в кр. форме *легкомысленно-непроницательны*) (о людях), *лицемерно-бесчувственный* (о суде), *неопрятно-плеснеющий* (о низших «рядах жизни», сословиях), *неуловимо-тонкий* (о выражении глаз, лица), *обдуманно-правильный* (об организации контрабандистов), *овально-кругливиший* (о лице), *однообразно-неприятный* (о восклицаниях), *однообразно-хладный* (о высших сословиях), *осмотрительно-охлажденный* (о характере человека), *остроумно-светский* (о визите), *открыто-пустынный* (в кр. форме *открыто-пустынно*) (о стране), *печальнонеисходный* (о положении, ситуации), *постоянно-ровный* (о характере человека), *пустынно-хороший* (в кр. форме *пустынно-хорошо*) (о природе), *ревностно-бескорыстный* (о службе), *скорбно-болезненный* (о взоре), *скучно-опрятный* (о высших сословиях), *скучно-синеватый* (о лесе), *трогательно-нежный* (о голосе), *умно-худощавый* (о слове немца), *черство-мраморный* (о лице), *шероховато-бедный* (о низших «рядах жизни», сословиях).

Гоголевские сложные прилагательные представляют собой качественные прилагательные за исключением единственного относительного, встретившегося во II части «Мертвых душ», — *известковато-глинистый* (однако и это прилагательное, как в силу входящих в обе части сложения суффиксов со значением степени проявления признака, свойства, так и вследствие усложненной семантической структуры, приобретает некоторый оттенок качественности). Тем не менее, несмотря на свою семантически ярко выраженную качественность, эти прилагательные в силу своей специфики (как окказиональные и

как сложные) не обладают всем спектром формально-грамматических характеристик имени прилагательного.

Со словообразовательной точки зрения исследуемая совокупность сложных прилагательных распадается на две неодинаковые по размеру группы — сложения и сращения.

В первую группу — сложений — входят сложные прилагательные со вторым (опорным) компонентом, равным самостоятельному прилагательному; их словообразовательное значение представляет собой объединение значений, присущих каждому из входящих в состав сложения компонентов, в общее комплексное значение. Эта модель, достаточно продуктивная уже в конце XVIII – начале XIX века с развитием романтического стиля в русской литературе, особенно в поэтических формах, что неоднократно отмечалось исследователями (см., например, [15: 45–55]), сохранила свою высокую продуктивность вплоть до настоящего времени. Именно так она характеризуется в современных грамматиках [10: § 757]. В произведениях Гоголя, в тех местах авторского дискурса, где писатель делает уступку романтическому стилю (при описаниях природы, положительных действующих лиц, в лирико-философских отступлениях), а также (и это новое в языке художественной литературы) просто при создании емких, семантически насыщенных, но экономных по средствам выражения эпитетов, он прибегает к помощи композитов, построенных в соответствии с тремя разновидностями модели сложения:

а) «основа прилагательного + о + прилагательное» —

*безмолвно-грустный, безобразно-дуплистый, беспокойно-странный, бестрепетно-свободный* (в кр. форме *бестрепетно-свободна*), *бесчувственно-страшный, восторженно-чудный, глупо-вопросительный, деятельно-беспокойный, известковато-глинистый, картинно-окладистый, легкомысленно-непроницательный* (в кр. форме *легкомысленно-непроницательны*), *лицемерно-бесчувственный, неуловимо-тонкий, обдуманно-правильный, однообразно-неприятный, неуловимо-тонкий, остроумно-светский, постоянно-ровный, пустынно-хороший* (в кр. форме *пустынно-хорошо*), *ревностно-бескорыстный, скорбно-болезненный, скучно-опрятный, скучно-синеватый, трогательно-нежный, умно-худощавый, черство-мраморный, шероховато-бедный, печальнонеисходный* (продуктивная модель в языке «Мертвых душ» Гоголя);

б) «основа прилагательного + и или о + адъективированное причастие» —

*европейски-открытый, осмотрительно-охлажденный* (мало-продуктивная модель в языке «Мертвых душ» Гоголя);

в) «основа адъективированного причастия + о + прилагательное» —

*открыто-пустынный* (в кр. форме *открыто-пустынно*) (также малопродуктивная модель в языке «Мертвых душ» Гоголя).

Первая из трех указанных разновидностей сложения типична своей высокой продуктивностью не только в идиолекте Гоголя, но и у его современников (В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова (в т. ч. и в прозе), В. Г. Белинского, Ф. Глинки и др.), в языке художественных произведений второй половины XIX в. — Л. Толстого, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. А. Некрасова (по данным словаря-справочника «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.», подобных прилагательных-сложений у различных писателей XIX века насчитывается около 400 — и это при выборочном представлении авторов и их произведений и при общем объеме словника около 3.500 слов). Активно функционирует указанный тип сложения и в языке современной художественной литературы, преимущественно поэзии [см. 6, 11, 13], а также в языке прессы (см. материалы словарей неологизмов). Такая продуктивность свидетельствует о том, что данная модель словосложения является в определенной степени характерной для окказионального словообразования, хотя далеко не ограничивается его рамками.

Во вторую группу — сращений — входят сложные прилагательные, полностью тождественные по морфемному составу синонимичному словосочетанию, первая часть которых выражена наречием, а второй компонент равен самостоятельному причастию или прилагательному; при этом первый компонент носит уточняющий характер по отношению ко второму. В языке поэмы «Мертвые души» Гоголя мы наблюдали две разновидности сращений:

а) «наречие + причастие»

*глубоко-устремленный, громадно-несущийся, неопратно-плеснеющий, овально-круглившийся;*

б) «наречие + прилагательное»

*грубоощутительный* (в данном прилагательном первый компонент выступает в значении, указывающем на высокую степень проявления признака, свойства, выражаемого вторым компонентом сращения) (модель в языке Гоголя малопродуктивна).

В целом, по нашим наблюдениям, образование сложных прилагательных путем использования модели сращения не было широко распространено в языке писателей XIX века (по материалам словаря «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.» счет здесь идет не на сотни, как в случае сложений, и даже не на десятки, а на единицы).

Подобно языковым, нормативным композитам, семантика индивидуальных сложных прилагательных и наречий выражает обобщение, типизацию единичного, «комплекса признаков конкретного обозначаемого, с охватом в нем семантики компонентов вместе с значением связывающего их отношения» [8: 38].

Отметим наиболее характерные черты исследуемой лексической группы:

1) многообразие используемых словообразовательных моделей; расширение грамматических типов сложений-прилагательных (в художественных текстах появляются уникальные для художественной речи данного периода образования, относящиеся к разряду относительных прилагательных — e.g., *известковато-глинистый*);

2) расширение спектра семантических разрядов лексики, привлекаемой для создания композитов;

3) многообразие типов лексических значений слагающих композиты компонентов и самих композитов — прямых, переносных и смешанных;

4) создание многоуровневых семантических построений на базе сложного эпитета, нередко осложненных комплексными контекстуальными семантическими связями;

5) расширение сферы использования сложных образований с их выходом за рамки традиционных романтических стилей конца XVIII — начала XIX в.; такие композиты все чаще выступают в качестве средства предельно сжатой и точной характеристики изображаемого предмета в демократизированном прозаическом тексте.

II. Сложные авторские прилагательные, несмотря на свою подчеркнутую индивидуальность и авторскую соотнесенность, имеют более чем вековую историю лексикографического описания. Естественно, в силу специфики данной группы лексики, принципы описания этого пласта лексических фактов отличаются от принципов подачи узуальной лексики. При его словарной кодификации перед лексикографами неизбежно встает ряд вопросов, требующих конкретного решения в зависимости от типа словаря, к которым в первую очередь следует отнести: 1) включение / невключение такого типа лексики в словарь; во втором случае — цель и в зависимости от нее объем включения; 2) способ лемматизации; 3) объем грамматической характеристики; 4) способ подачи — внутри словарной статьи на первую (последнюю) часть композита или образование самостоятельной словарной статьи; 5) приведение / неприведение дефиниции при композите; во втором случае — выбор типа дефиниции; 6) введение / невведение

специальных помет для лексики индивидуально-авторского характера. Лексикографическое представление семантики индивидуально-авторской лексики ушедших эпох представляет особую трудность: она не всегда поддается однозначной интерпретации. Действительно, существует объективная невозможность исчерпывающего описания данных лексических фактов в силу ряда причин. Главная из них заключается в изменении языковой картины мира, языкового и общекультурного фона у носителя современного русского языка — читателя или исследователя — по сравнению с русскими литераторами данной эпохи и их современниками — естественно, что восприятие текста, вызываемые им ассоциации, аллюзии и реминисценции будут в обоих случаях в определенной степени различаться, что не может не сказаться на объеме и содержательной стороне восприятия данной группы лексики.

Рассмотрим основные типы лексикографических изданий, так или иначе фиксирующих подобные авторские образования.

1) Академические толковые словари русского языка. Насколько нам удалось установить, впервые индивидуально-авторские сложные прилагательные и наречия появляются в материалах Словаря Грота-Шахматова (Словарь русского языка 1891–1935) — начиная со второго тома издания, редактором которого являлся уже А. А. Шахматов (т. н. «шахматовская редакция» была ориентирована на идею всеобъемлющего охвата языка русской нации соответствующего периода, идею исчерпывающей полноты словника [3: 239–270]). В этом издании лексика указанного типа, как правило, включается в качестве иллюстраций в словарные статьи, фиксирующие первые части сложных, характеризующихся достаточно высокой степенью частотности (исходя из материалов словарной картотеки, послужившей базой для создания этого словаря (ныне Старая картотека БКСО Словарного отдела ИЛИ РАН)). Тем самым демонстрируются богатые словообразовательные возможности языковой системы соответствующего периода, намечаются перспективы ее развития. Например:

**К а р т и н н о -** употребляется в сложении с прилагательным. *Картинно-безобразные старые ивы*. Гог. Мертв. д. (текст одной из первых редакций “Мертвых душ” — С.Э.) (Словарь Акад. 1908 г.);

**К и с л о -** встречается в сложении с прилагательными, наприм. *кисло-промоглый, кисло-серный* (см. выше 2-е знач., кислые воды, прим. из Пушк.), *кисло-слезливый*. *..Я велел обеим пить по два стакана в день кисло-серной воды*. Лерм. Кн. Мери (13 мая) *..Куда ты, Serge?.. произнесла супруга кисло-слезливым голосом*. Григор. Два генерала (т. X, 11). *..Ей доставило большое удовольствие кисло-*

*недоумевающее вытягивание губ этой покинутой жены*. Боборык. Голуб. лиф, V. (Словарь Акад. 1909 г.).

Однако подобное описание словообразовательных возможностей русского языка в «шахматовской редакции» Словаря Акад. 1891–1935 имеет ряд отступлений, в ряде случаев сложные дериваты от прилагательных и наречий даются в «неявной» форме, т. е. без специального выделения в словарной статье производящего компонента сложных:

**Европейски, нареч.** Как европеец.., соответственно обычаям, понятиям и приемам, господствующим в Европе и е-ом быту: *европейски-открытое обращение с потренкой по колену*. Гог. Мертв. д. (в одной из перв. ред.: *живое, легкое обращение*). *Он истинно-европейски рассуждает о европейских вопросах*. Белинск. (Словарь Акад. 1897 г., в статье на прилагательное *европейский* — С.Э.);

**Кисло, нареч.** *..Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно<sup>1</sup>, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко; ни друга, ни товарища в детстве!* Гог. Мертв. д. д. I, гл. 11 (Словарь Акад. 1909 г., в статье на прилагательное *кислый* — С.Э.);

Эта традиция отчасти была продолжена и в последующих академических лексикографических изданиях. Так, составители БАС, несмотря на первоочередную установку на нормативность описываемой в словаре лексики, в отдельных случаях посчитали возможным включить в словарные статьи ряд сложных индивидуально-авторских прилагательных (в виде иллюстрации-комментария к некоторым наречиям — по-видимому, под давлением материалов картотеки, не содержащей на момент составления примеров их самостоятельного употребления). Например, в статье на глагол *возвышать* можно наблюдать следующее описание наречия *возвышенно*:

**Возвышенно, нареч.** (обычно в сложении) *Можно бы почитать ее [голову араба] за голову куклы, — так она неподвижна, — если бы в физиономии араба не выливалась душа возвышенно-добрая*. Лажечн. Лед. дом. ч. I, гл. 1.

2) Словари языка писателя или отдельных произведений писателя.

а) Словоуказатели и конкордансы к произведениям различных писателей.

Как нам представляется, им принадлежит ведущая роль в регистрации неузуальной лексики — во-первых, в силу меньшей трудоемкости и «времяемкости» их составления по сравнению со словарями языка писателей тезаурусного типа в связи с потенциально и реально

<sup>1</sup> Текст ранней редакции “Мертвых душ” - С.Э.

высокой степени автоматизации их получения и, во-вторых, вытекающей отсюда их сравнительной многочисленностью.

б) Полные словари языка писателя или отдельных произведений писателя (толкового типа).

Специфика данного типа лексикографических изданий заключается в полной фиксации и максимально полном и разностороннем описании лексики того или иного писателя (в объеме от одного произведения до всех известных текстов данного автора, включая его эпистолярное наследие, как в Словаре языка Пушкина (1956–1961, Новые материалы к словарю А. С. Пушкина 1982)). В соответствии с поставленной перед словарем задачей описывается вся лексика исходного(ых) произведения(ий), в том числе и интересующая нас лексическая группа. В качестве показательного в этом отношении примера рассмотрим два словаря — Словарь языка Пушкина и Словарь автобиографической трилогии М. Горького (1974–1999).

В Словаре языка Пушкина интересующая нас группа композитов описывается подобно другим лексическим фактам, только единожды зафиксированным в пушкинских текстах, — т. е. слово выносится в заголовок отдельной словарной статьи, получает краткую грамматическую и частотную характеристику, снабжается соответствующим цитатно-иллюстративным материалом с указанием конкретного произведения, откуда взята цитата. Само слово не толкуется, поскольку, как отмечено в Предисловии к первому тому Словаря, «цель его — не истолковать значение слова или дать ему реальный комментарий, а лишь различить отдельные значения, если их в слове более одного» (с. 14). Например:

**БЕССТЫДНО-БЛЕДНЫЙ** (1). О, сколько лиц **бесстыдно-бледных**, О, сколько лбов широко-медных Готовы от меня принять Неизгладимую печать! <> *Мн. Р. бесстыдно-бледных*: С<sub>2</sub> 301 19

**НЕСТРОЙНО-СКУДНО** (1). Собак голодных завыванье Волынки говор скрип телег — Все дико — все **нестройно-скудно**. <> **нестройно-скудно**: Цыгане (черн.) (здесь следует отметить, что это сложное индивидуально-авторское наречие является у Пушкина, по видимому, единственным композитом подобного рода)

Словарь автобиографической трилогии М. Горького, имеющий тип толкового, дает полное описание индивидуально-авторских прилагательных (по образцу прилагательных узуальных), включая подробную грамматическую характеристику лексического факта, приводимого с особой пометой «+», отмечающей его незуальность (как с точки зрения русского литературного языка, так и с точки зрения идиолекта данного писателя). Например:

**Зелено-серебряный+**, ая, ое. *Покрытый сверкающей от росы травой*. Вот мы трое идем на рассвете по зелено-серебряному росному полю --. Л 242

Аналогичным образом описываются в этом словаре и индивидуально-авторские сложные наречия:

**Задумчиво-серьезно+**, нареч. *С серьезной задумчивостью*. Она [Королева Марго] смотрела на меня сквозь длинные ресницы задумчиво-серьезно, — до этой минуты никто еще не смотрел на меня так. Л 347

3) **Словари новых слов и значений** (Новые слова и значения 1971, Новые слова и значения 1984, Новое в русской лексике, словарные материалы-77 — -91 и т. д.)

Лексикографические издания данного типа принципиально включают в свой словник разного рода окказионализмы, в т. ч. и индивидуально-авторскую лексику. Как отмечается в Предисловии к выпускам серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы», «выпуски серии, кроме лексики, обычно помещаемой в толковые словари, будут включать в себя слова “однократного” употребления в потоке речи — так называемые окказиональные и индивидуально-авторские слова. Отказываться от включения в выпуски настоящей серии подобных слов представляется нецелесообразным не только потому, что ставится задача охвата разнообразных процессов образования слов, но и потому, что эти выпуски отражают подвижный, текущий материал, не позволяющий строго разграничивать слова “речевые”, разового употребления, и слова “языковые”, воспроизводимые, общеупотребительные» [7: 6]. При этом лексика исследуемого типа может получить в зависимости от степени смысловой неотделимости от контекста три типа оформления. Приведем примеры описания индивидуально-авторских сложных прилагательных, принятые в этом лексикографическом издании (оба мотивирующих компонента этих композитов являются вполне узуальными).

а) Прилагательное с однозначной семантикой, допускающей единственное толкование, полностью выводимой из приведенной цитаты, с высокой степенью контекстной зависимости (в словарной статье дается полное описание слова в соответствии с принципами словаря):

**КУРЬЕЗНО-ГРУСТНЫЙ**, ая, ое. Относящийся к курьезу, забавный и в то же время грустный. «*На озере Онондайфк в США из-за действия промышленных стоков на поверхности образовалась такая пена, что невозможно было проводить традиционные гребные соревнования, ..очистку провели с помощью моторных лодок*». (Разогнали

лодочными винтами пену). Курьезно-грустный пример. [В. Песков, Н. Грибачев, О речках и лодках (Изв. 7.9)].

- курьезный + о + грустный .

б) Прилагательное с не вполне однозначной семантикой, с высокой степенью окказиональности и контекстной зависимости (словарная статья имеет специфическое оформление — заголовочное слово заключено в угловые скобки, толкование не приводится):

<снисходительно-похвальный, ая, ое>. Современная критика во многом утеряла вкус к детальному и глубокому анализу произведений.. Критические материалы носят по преимуществу этакий снисходительно-похвальный характер. Снисходительный — потому что сам рецензент чаще всего не очень-то верит тому, о чем пишет. [С. Михалков, О беспристрастности и о предвзятости (ЛГ, 37, с. 3)].

- Снисходительный + о + похвальный.

в) Прилагательное с относительно независимой семантикой, не получающей конкретного контекстуального наполнения (подобные лексические факты помещаются в особый список слов с неполным описанием, где каждое слово снабжается только усеченным контекстом с указанием его источника, без какого-либо комментария со стороны составителей словаря):

**простоудушно-хитрый:** *простоудушно-хитрый Мирза* [ЛГ, 41].

В заключение отметим, что в словарях неологизмов приводится словообразовательная характеристика описываемой лексики в специально отведенной для этой цели зоне словарной статьи (после цитаты). В выпусках «Новое в русской лексике» в необходимых случаях помечается и поясняется переносность производящих слов. Эти словообразовательные комментарии имеют особую практическую ценность для исследователя лексических новообразований.

4) **Словарь «Редкие слова в произведениях авторов XIX века»** [9].

Данный лексикографический источник по определению включает слова, «встречающиеся в произведениях русских писателей-классиков XIX в. и не учтенные в существующих словарях современного русского языка» [9: 2], являясь уникальным собранием редкоупотребительной (в т. ч. неузальной) лексики из языка художественной литературы прошлого века, впервые собранной в рамках одного издания. Рассматриваемая нами группа сложносоставных прилагательных и наречий занимает в этом словаре значительное место, составляя почти пятую часть всего словника. Это убедительно свидетельствует о высокой продуктивности соответствующих словообразо-

вательных моделей в языке художественной литературы и той важной семантико-стилистической роли, которую играют подобного рода композиты в писательских идиолектах, придавая определенное своеобразие языку эпохи в целом. В силу своей специфики и в соответствии с общей установкой словаря [ibid.: 19] исследуемые прилагательные и наречия представлены во второй части словаря «Слова с неполным описанием», которую составляют слова без толкования (либо с сокращенным толкованием), сопровождаемые цитатами с указанием их источника и справочным отделом. Например:

**ГЛУБОКО-БЕССТРАСТНЫЙ.** *Ни звука! И видишь ты синий Свод неба, да солнце, да лес. В серебряно-матовый иней Наряженный, полный чудес, Влекущий неведомой тайной, Глубоко-бесстрастный... Но вот Послышался шорох случайный — Вершинами белка идет.* Некрасов, Мороз Красный нос.

1 Слов. и СУ — 1.

**ОДОБРИТЕЛЬНО-ПОЧТИТЕЛЬНО.** *Привалов отвечал то, что отвечают в подобных случаях, то есть спешил согласиться с Агриппиной Филипповной, порывался вставить свое слово и одобриительно-почтительно мычал.* Мамин-Сибиряк, Приваловские миллионы.

1 Слов. и СУ — 1.

5) **Словарь эпитетов русского литературного языка** [1].

Как следует из названия словаря, данный тип лексикографического издания также фиксирует некоторую совокупность индивидуально-авторских сложносоставных прилагательных, поскольку в его задачу входит наглядно представить все многообразие эпитетов, встречающихся в текстах художественной литературы «от Пушкина до наших дней», послуживших его источником. Действительно, в Предисловии к словарю постулируется, что третий тип эпитетов, включаемых в рассмотрение, — это редкие, индивидуально-авторские эпитеты. Их включение объясняется тем, что «при определенных условиях (авторитет писателя, яркость, свежесть образа и т. д.) эти эпитеты могут перейти в разряд общеязыковых. Таким образом, граница между общеязыковыми и индивидуально-авторскими эпитетами условна и подвижна» (с. 7). При этом индивидуально-авторские прилагательные из интересующей нас группы в основном, что является характерной чертой для данного словаря, представляют собой эпитеты, различным образом связанные с описанием цвета опорного концепта, вынесенного в заголовок словарной статьи. Так, при слове *облако* в числе прочих приводятся редкие эпитеты: *мутно-белое, пепельно-седое, розовато-дымчатое*, а при слове *огонь* — эпитеты *багряно-*

*фиолетовый* и *красно-коралловый*. По-видимому, причина этого кроется в специфическом отборе опорных концептов, включенных в словарь.

Таким образом, в соответствии с целями лексикографического издания полнота и принципы описания индивидуально-авторских сложносоставных прилагательных могут достаточно широко варьироваться — от простой регистрации факта существования такого слова (как в словоуказателях) до развернутого описания (как в словаре языка писателя (толкового типа) и — частично — в словарях неологии). При этом в качестве общего замечания необходимо отметить следующее: если один из производящих компонентов композита обладает определенным своеобразием (например, сам является индивидуально-авторским образованием или эксплицирует значение, отличное от современного узуального, то в словаре любого типа — за исключением нетолкуемых словоуказателей и конкордансов — этот факт следует оговорить особо: либо в зоне толкования слова, либо в справочно-этимологической части словарной статьи.

III. Особый интерес данная группа лексики представляет для словарей исторических, в т. ч. для разрабатываемого в настоящее время в Словарном отделе ИЛИ РАН Словаря русского языка XIX века, являющегося хронологическим и логическим продолжением Словаря русского языка XVIII века. Являясь словарем дифференциального типа, он призван отразить процессы формирования общенациональной литературной нормы, языковую динамику в пределах исследуемого периода и, следовательно, отметить появление новых лексико-семантических и тематических групп, распространенность, словообразовательную активность либо затухание определенных языковых моделей. Так, в тексте Проекта словаря констатируется, что «словарь, отражающий эволюцию нормы, обязан интерпретировать факты речи, фиксируемые текстами XIX в. (п. 5.10.)», при этом «окказиональная лексика будет достаточно широко представлена в Словаре, особенно если эти слова единичного употребления оказываются в русле активных словообразовательных процессов, тем более что словотворчество в XIX в. было не единичным, а массовым явлением, охватившим чуть ли не все образованное общество» (п. 5.10.1.) [12 : 36]. Однако, учитывая «массовый характер словотворчества XIX в., определивший обилие окказиональной и индивидуально-авторской лексики», авторами Проекта планируется введение ряда ограничений на представление в словаре окказионализмов: в Словарь не войдут «1) единичные образования шуточного характера, чаще всего не поддающиеся толкованию: **ваше флегмордие** (А. С. Грибоедов), **гофкикиморы**

(П. А. Вяземский), **кюхельбекерно** (А. С. Пушкин) .. и т. д. Подобная лексика должна найти отражение в словарях отдельных авторов; 2) искусственные образования и некоторые сложные эпитеты, оказывающиеся за пределами общезыковых процессов и характеризующие манеру отдельных авторов или стиль отдельных сочинений, вне контекста которых такие слова выглядят непонятными, а подчас и нелепыми: **меч-головосек**, **гордостью запанцирилась грудь**, **льдяноребрый** (В. Г. Бенедиктов) и под.» [12: 37].

Подобно Словарю русского языка XVIII века, данный словарь предполагает комментирование данного лексического разряда при помощи введения пометы *Един.* (единично или у одного автора). В Словаре русского языка XIX века положительно решается вопрос о выделении окказиональной лексики в отдельную словарную статью и приведении дефиниции; тем самым будет достигнута унификация представления данного лексического материала.

В то же время предпринятая нами попытка соответствующего представления гоголевских композитов-прилагательных, полный список которых представлен в начале статьи, привела к необходимости внесения некоторых уточнений.

1) Ряд композитов (*бесчувственно-страшный*, *громадно-несущийся*, *неопратно-плеснеющий*, *умно-худощавый*, *шероховато-бедный* и др.) по сравнению с другими обладают особенно осложненной многомерной, контекстуально обусловленной авторской семантикой, не позволяющей сформировать удовлетворительную с точки зрения исследователя и лексикографа дефиницию. В таких случаях, вероятно, было бы целесообразно оставлять эти прилагательные без толкования, приводя максимально полный контекст и при необходимости снабжая комментариями в справочной части словарной статьи либо отсылками на другие вокабулы. Так, например, композит *шероховато-бедный* в качестве первого компонента включает основу прилагательного *шероховатый* в переносном значении, характерном для XIX века, но утраченном к началу XX века: «исполненный трудностей, лишений, неприятностей» (БАС).

2) Часть приведенного выше ряда композитов (например, сложения *умно-худощавый*, *громадно-несущийся*) формально подпадает под п. 2 указанных в Проекте словаря ограничений на вхождение в словник. Однако, с нашей точки зрения, в данном случае в пользу включения говорит факт их принадлежности к одному из наиболее значительных, поистине знаковых произведений классической русской литературы XIX века, составившему в ней целую эпоху и оказавшему сильнейшее влияние на процессы развития и демократизации

русского литературного языка. Необходимо также отметить, что поэма «Мертвые души» и в настоящее время является одним из наиболее читаемых и изучаемых произведений русской классической литературы. Следовательно, как нам представляется, в Словаре русского языка XIX в. должны найти отражение все окказионализмы из эпохальных художественных произведений XIX в. масштаба «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

### Литература

1. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
2. Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.
3. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1998.
4. Кайдалова А. И. К вопросу о грамматических особенностях сложных прилагательных // Вестник МГУ, 1963, № 5. С. 48–58.
5. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. М., 1981.
6. Намитокова Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной русской поэзии). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1989.
7. Новое в русской лексике. Словарные материалы-86. СПб., 1996.
8. Павлов В. М. Полевой подход и континуальность языковой системы // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию С. Д. Кацнельсона. СПб., 1998. С. 28–40.
9. Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник. (Отв. ред. Р. П. Рогожникова). М., 1997.
10. Русская грамматика. Т. I. М., 1982.
11. Ряшенцев К. Л. Сложные слова в современном русском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1968.
12. Словарь русского языка XIX. Проект. СПб., 2002.
13. Стехин Ю. К. Сложные прилагательные (по данным современной русской стихотворной речи) // Вопросы изучения русского языка. Сб. научных работ. Днепропетровск, 1971. С. 52–60.
14. Чедия В. В. Сложные слова в языке русской художественной литературы первой половины XIX века (Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1956.
15. Шаговенко Л. П. Структурно-семантические типы сложных прилагательных в языке поэзии В. А. Жуковского // Наукові записки, т. XXVI, вып. I. Киев, 1957. С. 45–55.

Издание осуществлено с оригинал-макета,  
подготовленного в ИЛИ РАН.

Лицензия ИД № 02980 от 06.10. 2001 г.

Подписано к печати 30.10.2006 г. Формат 60x90 1/16.

Тираж 300 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН.  
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1.